

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.6

EDN: FLFWQH

Особенности профиля российской идентичности: опыт многомерного подхода (на примере Республики Саха (Якутия))

Ссылка для цитирования: Кузнецов И. М. Особенности профиля российской идентичности: опыт многомерного подхода (на примере Республики Саха (Якутия)) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 88–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.6; EDN: FLFWQH

For citation: Kuznetsov I. M. Features of the Profile of Russian Identity: Experience of the Multidimensional Approach (case study of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 88–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.6; EDN: FLFWQH

Кузнецов Игорь Михайлович¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

ingvar31@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 75911

Аннотация. В статье представлены первые результаты применения многомерной методики к социологическому измерению уровня российской идентичности. Методика многомерного подхода к измерению уровня российской идентичности была сконструирована на основе пятикомпонентной модели измерения ингрупповой идентификации, разработанной К. Личем с соавторами. Методика позволяет количественно замерять меру сформированности таких компонентов, как *сплочённость* (психологическая связь с другими членами сообщества), эмоциональная *удовлетворённость* принадлежностью к сообществу, *рельефность* (значимость принадлежности к данной общности в структуре самосознания личности, или «Я-концепции»), *самостереотипизация* (убеждённость в своём сходстве с другими членами данного сообщества), *гомогенность* (восприятие данного сообщества как единого целого). Эмпирической базой исследования послужили данные опроса жителей Республики Саха (Якутия) 2021–2022 гг., в анкету которого был включён блок многомерного измерения уровня российской идентичности.

По результатам проведённого анализа автор делает ряд выводов:

– Профиль российской идентичности (в его республиканском варианте) характеризуется относительно высокими показателями *удовлетворённости* и *сплочённости* и низкими показателями *рельефности*, *самостереотипизации* и *гомогенности*, т. е. по тем компонентам, которые в совокупности отражают сформированность представлений о российском сообществе как о некоей целостности, коллективе, а не простой совокупности людей, имеющих российское гражданство.

– Многомерный подход позволил существенно дополнить имеющиеся представления о распространённости идентификационных оснований консолидации россиян информацией о вкладе каждого из идентификаторов в общий уровень российской идентичности: иерархия идентификационных оснований по их вкладу в сформированность профиля российской идентичности не совпадает с иерархией тех же оснований по их востребованности в процессе самокатегоризации.

– Сравнение данных по профилю российской идентичности за 2021 и 2022 гг. позволило определить изменения в уровне российской идентичности, происшедшие после начала СВО: некоторое снижение показателей *сплочённости* на фоне значимого роста показателей *удовлетворённости* и *рельефности* при неизменных показателях *самостереотипизации* и *гомогенности*.

В итоге показано, что использование многомерного подхода к исследованию российской идентичности позволяет детализировать представления о структуре и динамике российской идентичности, сформулированные на основе «классических» мономерных измерений.

Ключевые слова: профиль общероссийской идентичности, многомерный подход, многокомпонентная модель внутригрупповой идентификации, иерархия идентификационных оснований, конфигурация идентичности

По сложившейся традиции в большинстве эмпирических исследований процесса и результата идентификации индивидов с социальными общностями используются мономерные шкалы, фиксирующие ту или иную степень осознания принадлежности индивида к сообществу [20, с. 144]. В «классике» отечественного подхода и, в частности, в этносоциологической школе Л. М. Дробижевой для измерения уровня российской идентичности используется вопрос, предложенный В. А. Ядовым и его коллегами в 1990-е гг. Этот вопрос направлен на измерение общего уровня осознания принадлежности к сообществу россиян, ощущения общности, близости с гражданами России по шкале «часто», «иногда», «практически никогда» [9, с. 45].

До недавнего времени измерение меры российской идентичности по этой шкале вполне соответствовало основным исследовательским задачам. Эти задачи состояли в том, чтобы, во-первых, оценить распространённость относительно нового, по историческим меркам, идентификатора «россияне» в разных социально-политических и этнокультурных группах российского общества. А во-вторых, установить степень актуализации этой идентичности в сравнении с другими коллективными идентичностями, прежде всего с этнической, локальной и региональной [12, с. 31].

По мере расширения представлений о структурной и содержательной сложности феномена российской идентичности, её роли в процессах консолидации российского сообщества возникла потребность в получении более детализированной информации о состоянии эмоциональных, когнитивных, ценностно-нормативных и других компонентов идентичности, чего мономерный подход не обеспечивал. Иначе говоря, новые задачи исследо-

вания российской идентичности актуализировали проблему разработки методики многокомпонентного измерения идентичности, которая не только фиксирует меру *распространённости* общероссийской идентичности, но позволяет судить о *качественных компонентах* этой идентичности, в частности, мере и основаниях солидарности разных слоёв населения с многонациональным народом России, психологической связи граждан со страной, мере приверженности общим ценностям, идеалам и целям, месте российской идентичности в структуре личностного и коллективного самосознания.

В настоящей статье мы представляем первые результаты апробации многомерного подхода к измерению уровня российской идентичности в социологическом исследовании. На этом этапе исследования была поставлена задача ответить на следующие вопросы:

- насколько данные, полученные при применении многомерной методики, согласуются с результатами измерения идентичности по «классической» мономерной шкале;
- насколько многомерное измерение российской идентичности помогает детализировать и систематизировать уже имеющуюся информацию по отдельным содержательным компонентам.

Методология и эмпирическая база исследования

В качестве основы для реализации многомерного подхода к измерению российской идентичности была избрана методика, сконструированная К. Личем и его коллегами [20]. Эта методика имеет ряд положительных черт. Во-первых, она была создана на основе глубокого анализа работ, посвящённых исследованию когнитивных, аффективных и поведенческих аспектов социальной идентичности. Во-вторых, она ориентирована на исследование социальных идентичностей разного таксономического уровня (государственно-гражданских, этнических, социально-политических и т. п. сообществ). Наконец, она была адаптирована и проверена на надёжность и валидность на российских выборках [1; 13].

В нашем варианте методика измерения российской идентичности представляет собой блок из 10 суждений, фиксирующих меру сформированности 5 компонентов российской идентичности.

Первый компонент – мера *сплочённости* (solidarity), т. е. психологической связи с другими членами сообщества, что должно определять степень приверженности определённым общим ценностям и целям этого сообщества, готовность к скоординированной деятельности. Основанием для выделения этой составляющей социальной идентичности в особую категорию послужило известное высказывание основателя теории социальной идентичности Г. Тэджфела о том, что социальная идентичность представляет собой «ту часть самооценки индивида, которая вытекает из его знаний о своей принадлежности к социальной группе (группам) и из ценности и эмоционального смысла, которые сопровождают это членство» [23, с. 255]. Ряд исследователей считают необходимым выделить из всего

комплекса эмоциональных когнитивных смыслов оценку психологической приверженности к группе [17]. Важность учёта этого компонента особенно подчёркивается в теориях коллективной идентичности [15].

В нашей методике ингрупповая сплочённость фиксируется мерой согласия (по четырехбалльной шкале) с суждениями: «Я чувствую свою связь с россиянами» и «Я во всём солидарен с россиянами».

Второй компонент – уровень *удовлетворённости* (satisfaction) принадлежностью к сообществу, отражающий меру *позитивных эмоций* по отношению как к сообществу в целом, так и к факту своей принадлежности к этому сообществу. По мнению авторов данной методики, эмоциональная оценка принадлежности к сообществу представляет собой «наиболее распространённый способ идентификации с группой и этот компонент может быть наиболее тесно связан с другими компонентами идентификации» [20, с. 147].

В нашем случае уровень удовлетворённости фиксируется степенью согласия с суждениями: «Я думаю, что россиянам есть чем гордиться» и «Мне приятно осознавать себя частью российского сообщества».

Третий компонент – степень *рельефности* (centrality) даёт возможность оценить место принадлежности к данной общности в структуре Я-концепции индивида. Важность измерения и учёта этого компонента коллективной идентичности (под разными наименованиями) особенно подчёркивается в исследованиях структуры коллективной идентичности [22]. Авторы рассматриваемой методики предполагают, что чем выше рельефность идентификации с сообществом, тем более чувствительны члены сообщества к восприятию внешних угроз.

В нашем варианте методики мера рельефности фиксируется уровнем согласия с суждениями: «Принадлежность к россиянам – важная часть моего представления о себе» и «Принадлежность к россиянам накладывает отпечаток на мою личность».

Четвёртый компонент – *самостереотипизация* (individual self-stereotyping), т. е. мера убеждённости в том, что индивид, причисляющий себя к сообществу, в чем-то похож на других членов данного сообщества. Выделение этого компонента основано на том, что процесс самокатегоризации предполагает не просто механическое причисление индивида к сообществу, а восприятие себя в терминах сообщества, что сопровождается некоторой «деперсонализацией» индивида [16]. Это является первым шагом на пути формирования собственно *социальной* идентичности (в отличие от идентичности личностной).

В нашем инструментарии самостереотипизация измеряется мерой согласия с суждениями: «У меня много общего со среднестатистическим россиянином» и «По характеру я похож на среднестатистического россиянина».

Пятый компонент – *гомогенность* (in-group homogeneity), т. е. мера убеждённости в том, что члены данного сообщества отличаются от членов других таких же сообществ по бытовой культуре, ценностям, образу жизни и т. п. По сути, этот компонент отражает иной, отчасти сходный, а отчасти отличающийся от самостереотипизации аспект самокатегоризации, пред-

полагающий наличие представления о сообществе как о некоей субъектной целостности (entitativity) [21]. В нашей методике уровень гомогенности измеряется степенью согласия с суждениями: «У россиян много общего между собой» и «Все россияне по характеру очень похожи друг на друга».

Авторы методики предлагают и второй, более общий уровень анализа данных. Согласно результатам их исследований (подтверждённым и на российских выборках), такие компоненты идентичности, как сплочённость, удовлетворённость и рельефность, представляют более общее измерение идентичности, связанное с особенностями личного отношения к сообществу, а самостереотипизация и гомогенность – те аспекты идентичности, которые свидетельствуют о степени сформированности образа группы как органической (в терминах Э. Дюркгейма [5]) целостности. Первое измерение авторы назвали «личным вкладом» (self-investment), а второе – «социальным самоопределением» (group-level self-definition).

В нашем исследовании по каждому компоненту вычисляется средний показатель согласия, который может варьироваться в пределах от 0 до 4 баллов. Набор средних значений по пяти компонентам образует *профиль* российской идентичности. Рассмотрение взаимосвязей компонентов в настоящей статье велось преимущественно в рамках однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). В некоторых случаях мы использовали для анализа тех же компонентов категориальные переменные, фиксирующие «низкий» (до 2 баллов), «средний» (от 2,2 до 3 баллов) и «высокий» (свыше 3,2 балла) уровень сформированности того или иного компонента.

Эмпирическую базу исследования составили данные опросов населения Республики Саха (Якутия), проведённых в 2021–2022 гг. в рамках совместного проекта Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственного автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия)». Именно в этом совместном проекте впервые появилась возможность включить рассмотренный выше блок вопросов в анкету массового социологического опроса, что и предопределило выбор республики в качестве пилотного региона многомерного исследования российской идентичности. Выборка опросов в пределах 1400–1500 респондентов репрезентирует население республики по полу, возрасту и национальной принадлежности.

Для настоящего исследования не ставилась задача характеризовать особенности регионального профиля российской идентичности. Для этого необходимо, как минимум, располагать аналогичными данными по другим регионам России. Представленные данные используются исключительно как база для анализа вариативности профилей идентичности, типичных для разных социальных групп российского общества и взаимосвязей с некоторыми, доступными для анализа социально-политическими диспозициями, характерными для россиян в целом.

Характеристика общего профиля российской идентичности

Средний по республике профиль российской идентичности в сравнении с разными уровнями той же идентичности, измеренными по «классической» одномерной методике, представлен на рис. 1.

Сразу же можно отметить, что измерения идентичности по одномерной и многомерной методикам являются взаимодополняющими. Одномерная методика отражает статистически значимые (по критерию T2 Тамхейна) различия в уровне сформированности всех компонентов идентичности, выделяемых в многомерной методике: высокий уровень у респондентов с «актуализированной» российской идентичностью (вариант «часто ощущают общность со всеми гражданами России») и, соответственно, низкий (но не нулевой) уровень сформированности этих компонентов у носителей «негативистской» российской идентичности (т. е. выбравших вариант «никогда не ощущали общность со всеми гражданами России»).

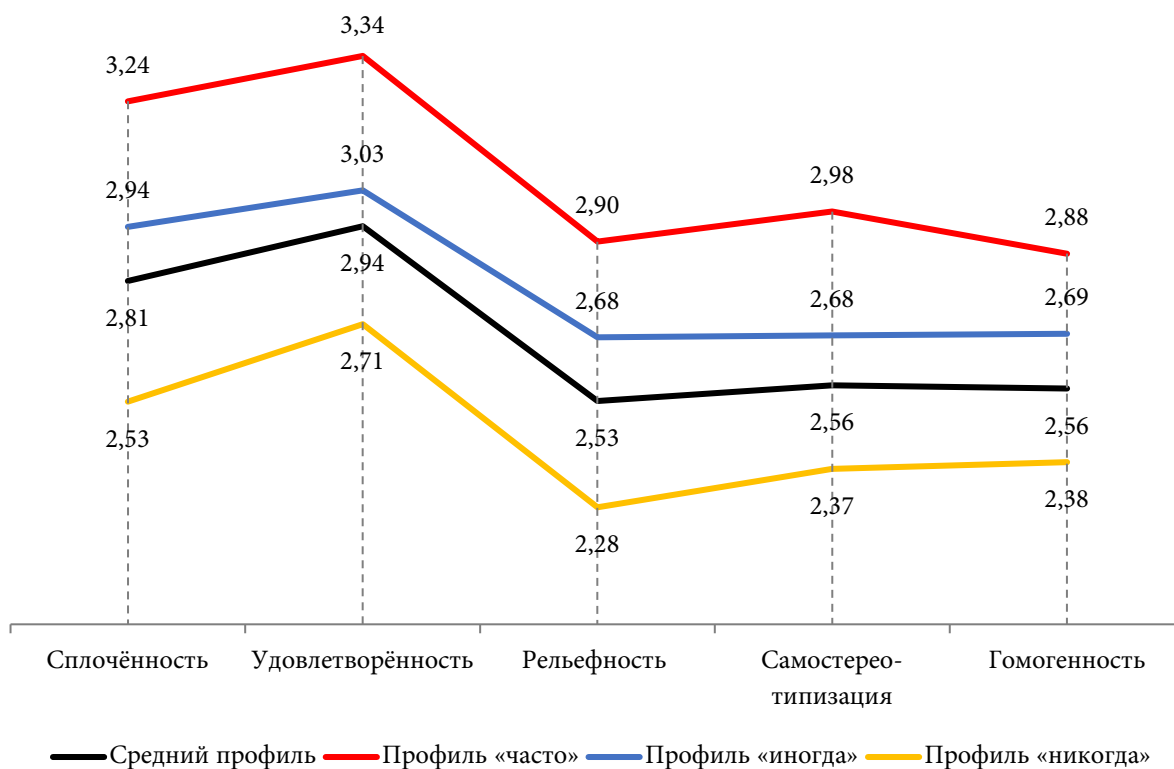

Рис. 1. Средний профиль российской идентичности и профили респондентов, ощущающих близость со всеми гражданами России часто, иногда или никогда (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 1. Average profile of Russian identity and profiles of respondents who often, sometimes, or never feel closeness to all Russian citizens, average agreement scores with statements for each component

При этом многомерная методика позволяет дополнительно зафиксировать сходство *конфигурации* российской идентичности у респондентов, *количественно* различающихся по сформированности отдельных компонентов идентичности.

Опираясь на представленный на рис. 1 средний по региону профиль, отметим, что прежде всего российская идентичность отличается высоким уровнем сформированности аффективного компонента (т. е. *удовлетворённости*, позитивных чувств по отношению к российскому сообществу, так и по поводу своей принадлежности к этому сообществу). Это лишний раз подтверждает высказываемое в последнее время мнение о существенном вкладе эмоциональной составляющей в общий уровень российской идентичности [10]. На втором месте по сформированности – показатель *сплочённости*, т. е. меры психологической связи россиян со своим сообществом. И на одинаковом уровне сформированности находятся показатели *рельефности* (т. е. места российской идентичности в Я-концепции респондентов), *самостереотипизации* (убеждённости в личном сходстве с россиянами в целом) и *гомогенности* (представления о принципиальной схожести всех россиян по характеру и т. п.). В целом, в первом приближении можно сказать, что профиль российской идентичности характеризуется относительно сформированными компонентами «личного вклада» (преимущественно за счёт высоких показателей эмоциональной удовлетворённости и психологической связи с сообществом россиян) и относительно низкими показателями по тем компонентам, которые в совокупности отражают сформированность представления о российском сообществе как о некоей целостности, коллективе, а не только лишь совокупности людей, имеющих российское гражданство.

Для более детального представления рассматриваемого профиля российской идентичности в табл. 1 приведены данные о мере сформированности компонентов идентичности в категориальных переменных, т. е. в долях процентов тех, у кого тот или иной компонент имеет высокую, среднюю и низкую степень сформированности.

Таблица 1 (Table 1)

Мера сформированности компонентов российской идентичности, %*

The degree of formation of components of Russian identity, %

Компоненты идентичности	Мера сформированности компонентов идентичности		
	Высокая	Средняя	Низкая
Сплочённость	35	41	24
Удовлетворённость	46	34	20
Рельефность	27	39	34
Самостереотипизация	26	42	32
Гомогенность	24	44	32
Личностный вклад в целом	29	45	26
Социальное самоопределение в целом	20	45	34

* По данным опроса населения Республики Саха (Якутия) 2021 г.

В рассматриваемом профиле российской идентичности преимущественно высокая и средняя мера сформированности характерна для показателей удовлетворённости и сплочённости, а остальные компоненты

чаще сформированы на среднем и низком уровне. Отметим также, что мера сформированности всех компонентов идентичности статистически значимо различается у респондентов с разным уровнем идентичности, измеренным по «классической» методике. Респондентам с актуализированной российской идентичностью чаще свойственна высокая мера сформированности компонентов идентичности, а для носителей негативистской идентичности – низкая.

Профиль российской идентичности в разных социальных группах

Опираясь на основные положения эпигенетической концепции идентичностей Э. Эриксона [14], можно ожидать различий в уровне сформированности российской идентичности в разных возрастных группах. Отмечено, что при измерении общего уровня идентичности в мономерном подходе статистически значимые различия по возрасту, как правило, не фиксируются, но они отчётливо видны при использовании многомерного подхода (рис. 2).

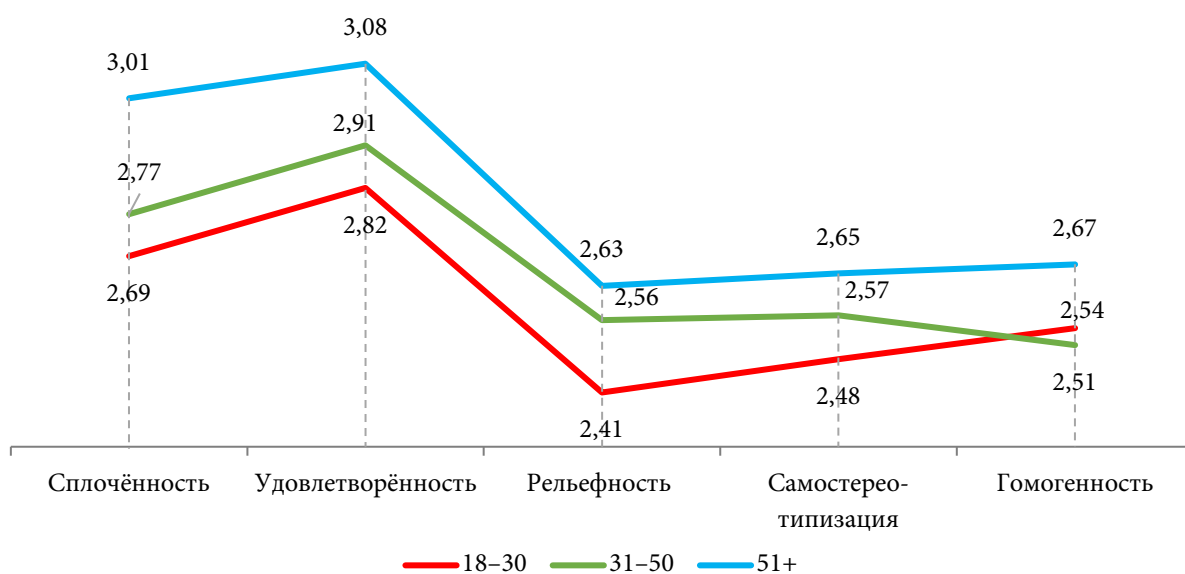

Рис. 2. Профиль российской идентичности для разных возрастных групп (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 2. Profile of Russian identity for different age groups, average agreement scores with statements for each component

Однофакторный дисперсионный анализ возрастных различий по каждому компоненту показал статистически значимые отличия в уровне сформированности *сплочённости* и *удовлетворённости* у респондентов старше 51 года. В отличие от представителей других возрастных групп, у людей старше 51 года показатели, отражающие меру психологической связи с российским сообществом и удовлетворённости от принадлежности к этому сообществу, существенно выше. По уровню сформированности

рельефности, т. е. центрированности российской идентичности в личностном самосознании, своими низкими показателями отличаются от всех остальных респонденты самой молодой возрастной группы (18–30 лет). По показателям *гомогенности* и *самостереотипизации*, отражающим сформированность представлений о российском сообществе как о целостности, значимых различий между возрастными группами не наблюдается. При этом остаётся открытым вопрос о том, насколько указанные различия (и сходства) связаны с возрастными особенностями формирования российской идентичности, а в какой мере они отражают межпоколенческие различия между людьми, прошедшими основные этапы социализации в рамках «советского» и «постсоветского» идеологического контекста.

«Классический» одномерный подход к эмпирическому исследованию российской идентичности фиксирует значимые различия в показателях общего уровня идентичности у респондентов с разным уровнем образования. Так, «по опросам 2019 г. она выше у людей с высшим образованием – 95%, у людей со средним и средним специальным образованием соответствует среднероссийскому уровню – 91%, заметно меньше (на 13 п.п.) у людей с начальным образованием – 82%» [4, с. 44]. Многомерный подход позволяет детализировать эти различия (рис. 3).

Как свидетельствуют данные дисперсионного анализа, у респондентов с разным уровнем образования не обнаруживается существенных различий по уровню сформированности таких компонентов российской идентичности, как *сплочённость* и *удовлетворённость*. Но при этом респонденты с общим средним образованием существенно отличаются от остальных своим низким уровнем сформированности *рельефности*, *самостереотипизации* и *гомогенности*. Иначе говоря, они в меньшей степени воспринимают российское общество как целостность и для них принадлежность к этому сообществу менее значима в личностном плане.

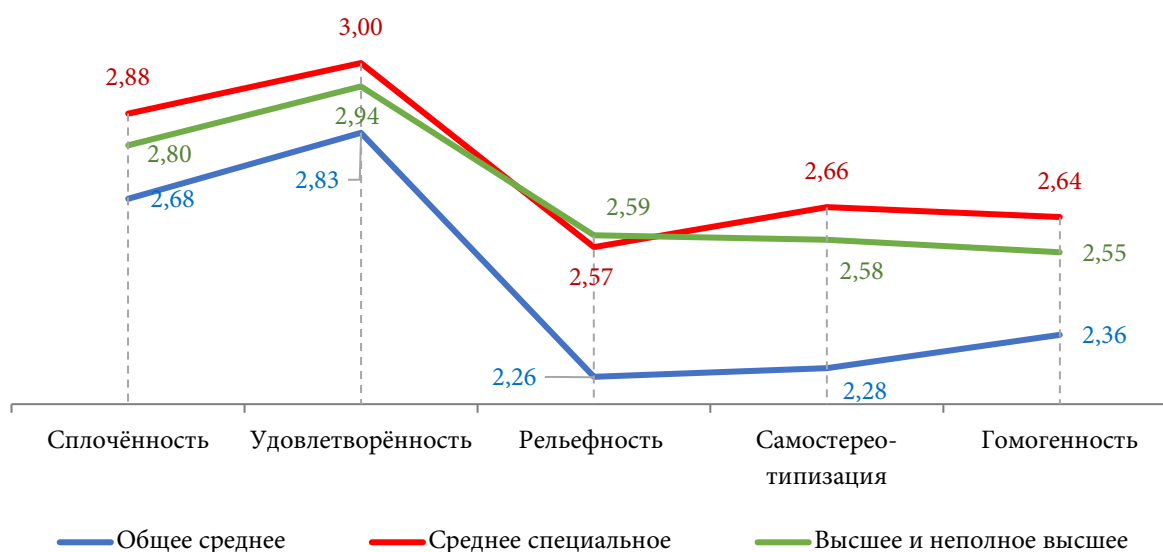

Рис. 3. Профиль российской идентичности у респондентов разного уровня образования

(в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 3. Profile of Russian identity among respondents with different levels of education, average agreement scores with statements for each component

Многомерный подход также позволяет детализировать различия в профиле идентичности, связанные уровнем воспринимаемого материального достатка¹ (рис. 4).

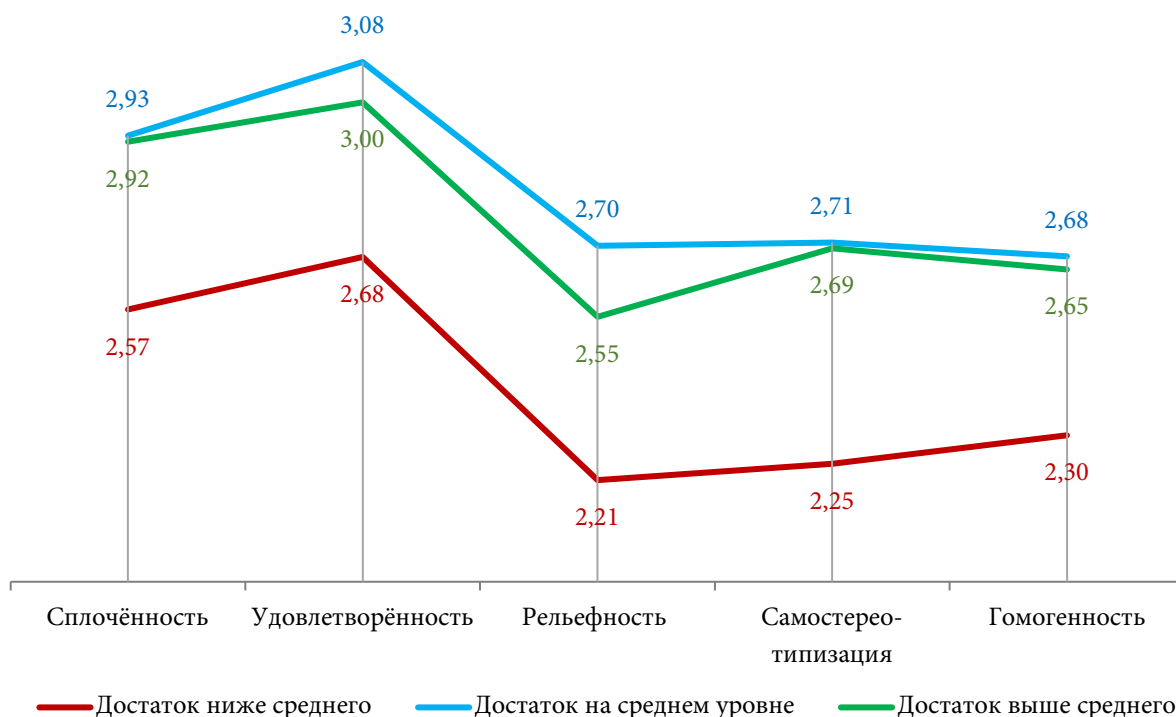

Рис. 4. Профиль российской идентичности у респондентов разного уровня воспринимаемого достатка (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 4. Profile of Russian identity among respondents with different levels of perceived income, average agreement scores with statements for each component

Данные измерений по методике мономерного подхода свидетельствуют о том, что респонденты с достатком ниже среднего демонстрируют низкий общий уровень российской идентичности. Сравнение средних по компонентам многомерного подхода подтверждает это отличие респондентов с воспринимаемым достатком ниже среднего. У них показатели сформированности по всем компонентам российской идентичности существенно ниже, чем в группе с достатком выше среднего и средним. Это позволяет сделать вывод о том, что в целом существует положительная взаимосвязь уровня российской идентичности и уровня воспринимаемого достатка.

Однако анализ профилей идентичности людей со средним и выше среднего уровнем достатка может послужить основой для более детального исследования взаимосвязи характера гражданско-государственной идентичности и уровня благосостояния разных слоёв сообщества. Первой такой особенностью является сходство показателей идентичности почти по всем компонентам у указанных групп респондентов, что позволяет поставить вопрос о том, насколько идея М. Вебера о пределах материаль-

¹ В нашем случае ответы на вопрос: «Как Вы можете описать материальное положение вашей семьи?»

ного стимулирования производительности труда в рамках «традиционалистской» ментальности [3, с. 30] применима к объяснению особенностей формирования общегражданской идентичности в традиционалистском и модернистском ценностных контекстах. Можем ли мы говорить, например, применительно к сообществу, ориентированному на традиционализм, о некоем «потолке» роста уровня гражданско-государственной идентичности в связи с ростом уровня благосостояния граждан, с одной стороны? А с другой – существует ли предельно низкий уровень социального благосостояния, при котором происходит значимое снижение показателей идентификации людей с данным сообществом?

Другая особенность состоит в том, что при сходстве показателей почти всех компонентов российской идентичности у респондентов с достатком выше среднего и средним, у первых показатель *рельефности* идентичности, т. е. меры центрированности принадлежности к россиянам в «Я-концепции» значимо ниже, чем в группе со средним уровнем достатка. Это может означать, в частности, что при достижении определённого уровня материального благосостояния появляется ощущение независимости от общества. Это косвенно подтверждает гипотезу Р. Инглхарта и К. Вельцеля о том, что при выходе на некоторый высокий уровень благосостояния ценности самовывживания начинают замещаться ценностями самореализации, «делаящими упор на личную независимость и свободу выбора» [6, с. 87].

Взаимосвязь профиля идентичности и особенностей социально-политических диспозиций

Вывод о связи профиля российской идентичности и уровня воспринимаемого достатка, представленный выше, на более общем уровне дополняется данными, свидетельствующими о том, что отчётливая социальная направленность государственной политики может быть важным фактором повышения уровня идентичности.

На рис. 5 представлены профили российской идентичности тех, кто в своих планах на будущее и решении жизненных проблем рассчитывает (1) на себя, свои способности, профессию; (2) на поддержку родственников, друзей, т. е. ближний круг; (3) на поддержку со стороны государства. У тех, кто в своих планах на будущее рассчитывает на поддержку со стороны государства, показатели по всем компонентам российской идентичности существенно выше, чем у тех, кто ориентирован в основном на себя и свой ближний круг.

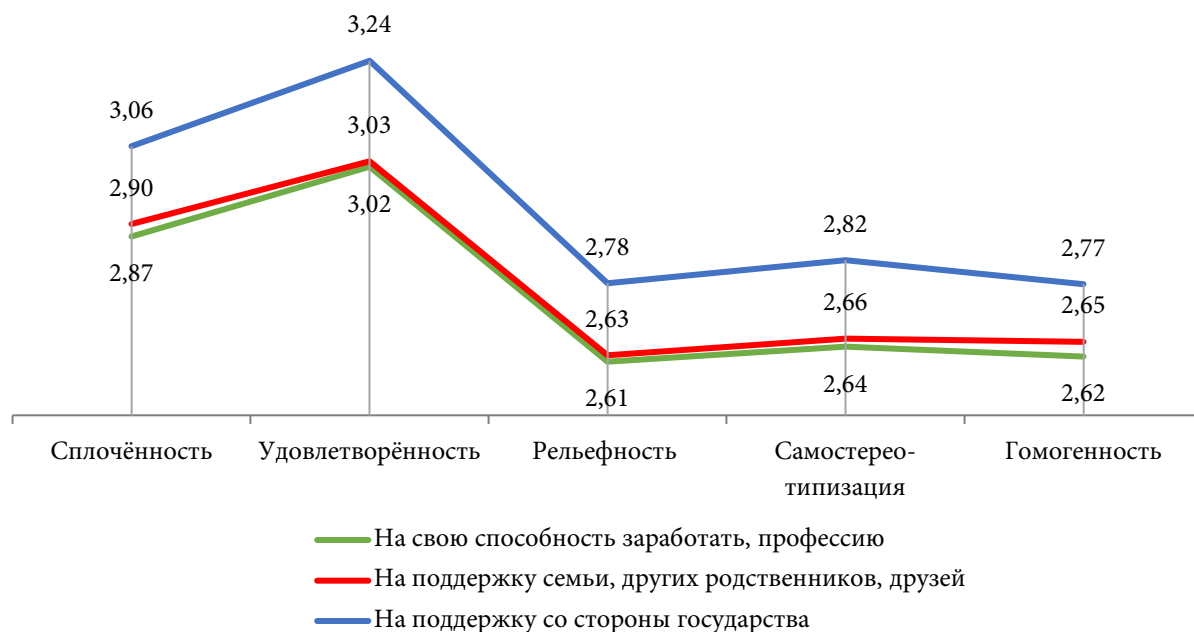

Рис. 5. Профиль российской идентичности у респондентов с разными представлениями о поддержке в реализации жизненных планов

(в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 5. Profile of Russian identity among respondents with different perceptions of support in achieving life goals, average agreement scores with statements for each component

Ранее, в исследованиях прошлых лет, была установлена значимая связь уровня российской идентичности и полярности межэтнических установок. У людей с преимущественно позитивными межэтническими установками уровень российской идентичности значимо выше [8, с. 67]. Это в целом согласуется с выводами других исследований о том, что ингрупповой этнический фаворитизм снижается, если представители разных этнических групп формируют общую (в частности, государственную) идентичность [18]. При многомерном подходе этот вывод подтверждается (рис. 6)¹.

Более того, этот подход даёт возможность детализировать различия отдельно по каждому компоненту. Данные дисперсионного анализа свидетельствуют о том, что различия между рассматриваемыми группами значимы только по компонентам, отражающим меру психологической связи с российским сообществом (*сплочённость*) и *удовлетворённости* принадлежностью к этому сообществу. Отличий в сформированности значимости российской идентичности в личностном самосознании (*рельефности*) и разных аспектов образа «мы – россияне» (*самостереотипизация* и *гомогенность*) не наблюдается, т. е. обе указанные группы имеют сходные представления об особенностях российского сообщества и о значимости для личностного самоопределения принадлежности к российскому сообществу. И здесь мы можем предположить, что именно такие компоненты российской идентичности, как высокий уровень позитивных эмоций и переживания

¹ Вопрос: «Некоторые люди с неприязнью относятся к представителям других национальностей. А Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?»

психологической связи с общностью россиян (т. е. высокий уровень ингруппового *странового* фаворитизма), вносят существенный вклад в обеспечение благоприятного фона межэтнического взаимодействия.

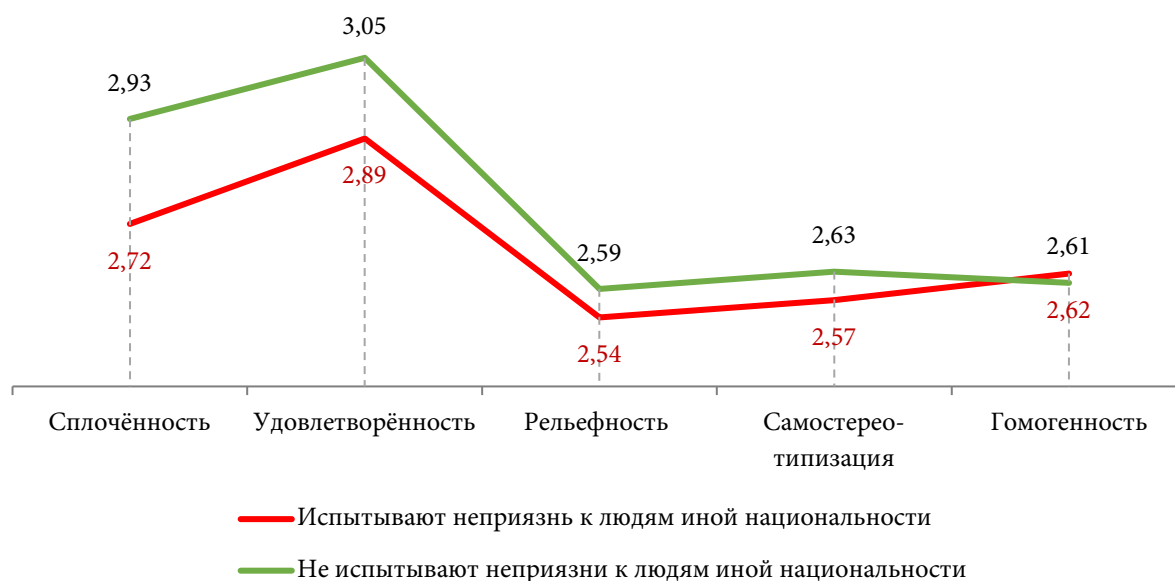

Рис. 6. Профиль российской идентичности у респондентов с позитивными и негативными межнациональными установками (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 6. Profiles of Russian identity among respondents with positive and negative interethnic attitudes, average agreement scores with statements for each component

Сравнение общего уровня идентичности в период до и во время пандемии COVID-19 позволили сделать вывод о том, что в условиях повышенной социальной тревожности (в данном случае – на пике пандемии) уровень российской идентичности может снижаться [7]. Многомерный подход к исследованию российской идентичности позволяет уточнить ответ на вопрос о том, как связан уровень социально-политической тревожности с особенностями профиля российской идентичности (рис. 7)¹.

Действительно, для респондентов с повышенным уровнем тревожности (в нашем случае выше оценивающих вероятность протестных выступлений) характерны более низкие показатели по всем компонентам российской идентичности. Однако статистически значимые различия фиксируются только по компонентам «личностного вклада» – сплочённости, удовлетворённости и рельефности.

По компонентам, характеризующим сформированность образа «мы – россияне», существенных различий не наблюдается. Если учесть, что в современном мире высоких рисков и повышенной социальной тревожности поддержание ощущения устойчивости окружающего мира (и своей идентификации в этом мире) возможно благодаря «защитному кокону» доверия [19, с. 125], то своевременными становятся исследования, посвящённые роли доверия в формировании российской идентичности [11].

¹ В нашем исследовании показателем уровня социально-политической тревожности служила оценка респондентами вероятности социальных протестов. Вопрос: «На Ваш взгляд, насколько возможны или невозможны сейчас в Вашем населённом пункте протестные выступления?»

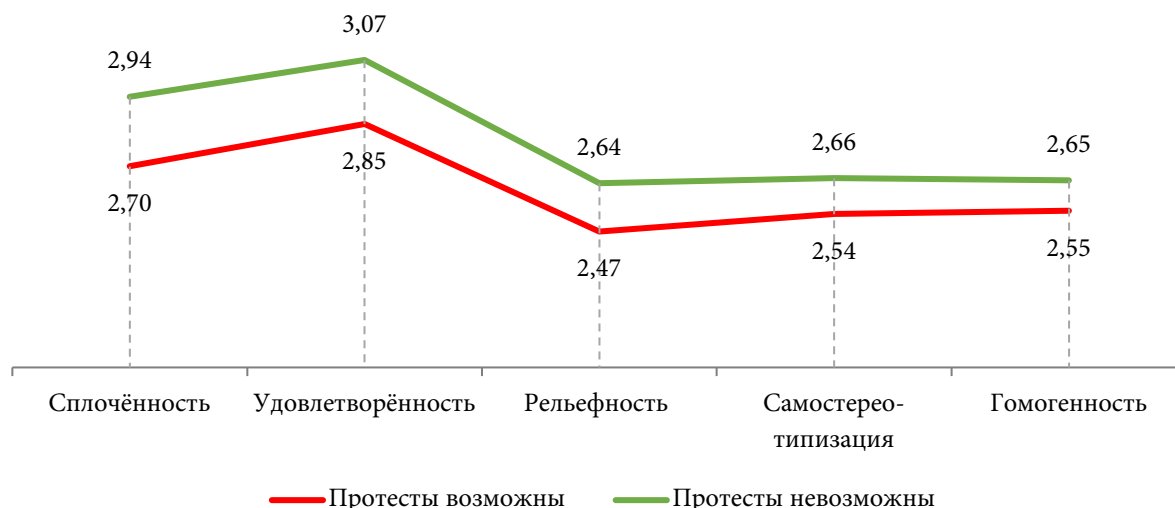

Рис. 7. Профили российской идентичности у респондентов с разной оценкой вероятности социальных протестов (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 7. Profiles of Russian identity among respondents with different assessments of the likelihood of social protests, average agreement scores with statements for each component

В исследованиях российской идентичности, особенно проводимых представителями этносоциологической школы Л. М. Дробижевой, особое внимание всегда уделялось изучению структуры и содержания представлений, которые служат основой для объединения всех граждан России в единое сообщество. В эмпирическом плане для изучения этих компонентов используется вопрос о том, что объединяет респондента со всеми гражданами России. По данным многолетних исследований иерархия востребованности тех или иных идентификационных оснований устойчива и воспроизводится в различных регионах [9]. Рейтинг идентификаторов по частоте их востребованности, рассчитанный по результатам опроса 2021 г. в Республике Саха (Якутия), представлен в табл. 2. Отметим, что порядок следования первых четырёх позиций по данным, собранным в республике в 2021 г., не отличается от рейтинга по тем же позициям, рассчитанного по результатам общероссийского опроса 2020 г. [11, с. 23].

Таблица 2 (Table 2)

Идентификационные основания российской идентичности 2021 г., %
Identification bases of Russian identity in 2021, %

Что из перечисленного больше всего объединяет Вас со всеми россиянами, гражданами Российской Федерации?	Частота упоминания
1. Общее государство	77
2. Родная земля, территория, природа	52
3. Русский язык	48
4. Историческое прошлое	41
5. Ответственность за судьбу страны	36
6. Общие символы (флаг, герб)	35
7. Культура	35
8. Обычаи, праздники	35

При многомерном подходе к измерению российской идентичности эта информация о *распространённости* разных идентификационных оснований может быть дополнена оценкой *вклада* того или иного основания в уровень российской идентичности по отдельным её компонентам (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

**Профиль российской идентичности
у респондентов с разными идентификационными основаниями
(в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)
Profile of Russian identity among respondents with different identification bases,
average agreement scores with statements for each component**

Идентификационные основания русской идентичности	Компоненты российской идентичности					Средний балл по всем компонентам
	Сплочённость	Удовлетворённость	Выраженность	Самостереотипизация	Гомогенность	
1. Историческое прошлое	3,19	3,30	2,83	2,86	2,83	3,00
2. Ответственность за судьбу страны	3,14	3,22	2,80	2,80	2,75	2,94
3. Родная земля, территория, природа	3,06	3,19	2,73	2,71	2,74	2,89
4. Культура	3,05	3,19	2,72	2,70	2,68	2,87
5. Обычаи, праздники	3,04	3,15	2,70	2,67	2,65	2,84
6. Общее государство	2,96	3,09	2,66	2,66	2,68	2,81
7. Общие символы (флаг, герб)	2,94	3,06	2,60	2,62	2,59	2,76
8. Русский язык	2,91	3,00	2,57	2,59	2,59	2,73

В табл. 3 представлены показатели сформированности по каждому компоненту российской идентичности у респондентов, выбравших то или иное основание для идентификации со всеми гражданами России, в порядке убывания средних баллов по этим показателям. Дополнительно в последней колонке даны средние баллы по всем компонентам для каждого из восьми идентификаторов, характеризующие общий уровень сформированности российской идентичности. Разумеется, в реальности процесс самокатегоризации индивида как члена российского сообщества осуществляется по нескольким основаниям и определить их кумулятивный эффект затруднительно. Тем не менее представленные выше данные позволяют оценить в первом приближении вклад каждого из идентификационных оснований в общий уровень идентичности, а также зафиксировать особенности показателей отдельных компонентов разных профилей. Однако в нашем случае необходимо учитывать, что вклад каждого из рассматриваемых идентификационных оснований может различаться в разных регионах России.

Основанием такого предположения являются данные, свидетельствующие о различии рейтингов востребованности тех или иных идентификаторов разными этническими группами Кабардино-Балкарской Республики [11, с. 22]. В связи с этим необходимо ещё раз подчеркнуть, что в нашем случае задачей является исследование вероятности различий во влиянии разных идентификационных оснований *на примере* профилей идентичности, полученных в Республике Саха (Якутия) в 2021 г.

Анализ значимости связи общих показателей сформированности российской идентичности по каждому идентификационному основанию позволяет объединить все рассматриваемые основания в 4 кластера. В первый входят не различающиеся профили российской идентичности, сформированные на основании общности исторического прошлого или ответственности за судьбу страны. Во второй – сходные по среднему общему баллу профили идентичности, сформированные на основании общности или территории, или культуры, или обычаев. При этом есть сходство показателей сформированности идентичности по критериям «Ответственность за судьбу страны» и «Родная земля, территория, природа». В третий – сходные между собой профили идентичности, сформированные по таким идентификаторам, как «Общее государство» или «Общие символы (флаг, герб)». Причём фиксируется сходство показателей по основаниям «Родная земля, территория, природа» и «Общее государство». В четвёртый кластер мы выделили профиль российской идентичности, сформированный по идентификационному основанию «Русский язык». Для наглядности на рис. 8 представлены профили российской идентичности, сформированные по одному из оснований каждого кластера.

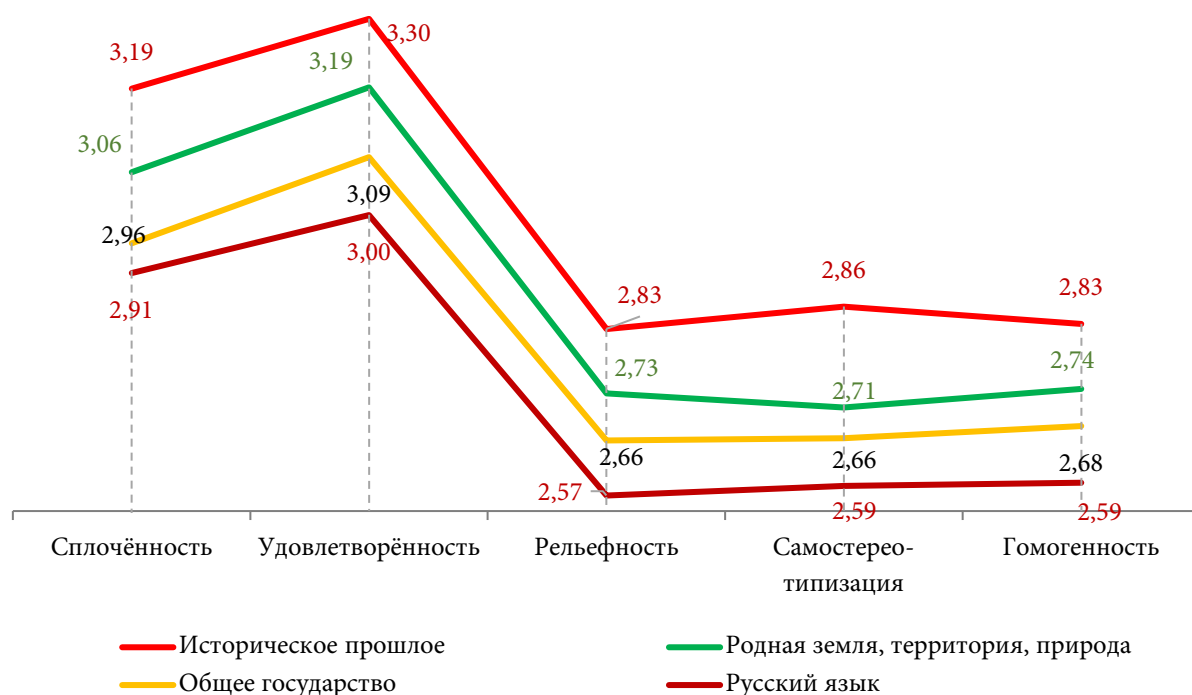

Рис. 8. Профили российской идентичности у респондентов с разными идентификационными основаниями (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 8. Profiles of Russian identity among respondents with different identification bases, average agreement scores with statements for each component

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что иерархия идентификационных оснований по их вкладу в сформированность профиля российской идентичности не совпадает с иерархией тех же оснований по их востребованности в процессе самокатегоризации. Так, общая государственность, являясь самым востребованным основанием для причисления себя к российскому сообществу (см. табл. 2), по своему вкладу в уровень российской идентичности существенно уступает показателям профиля той же идентичности, сформированной на основании общности исторического прошлого, занимающей в рейтинге востребованности четвёртое место. А профиль идентичности на основании общности русского языка (третье место в рейтинге востребованности) значимо отличается самыми низкими показателями сформированности от всех остальных профилей.

В связи с высокими показателями профиля идентичности у тех, кто в качестве основания общности выбирает историческое прошлое, можно отметить, что в теориях *коллективной* идентичности, как особой формы социальной макроидентичности, представления об общем историческом прошлом общности считаются важной составляющей коллективного самосознания, поскольку прошлое «обеспечивает сообществу базовую опору для его существования, люди рождаются не в вакууме, а как часть определённой традиции и культуры» [16, с. 365]. Причём в системе представлений об историческом прошлом в контексте формирования коллективной идентичности важную роль играет не столько знание «академической» истории сообщества, сколько бытовые исторические нарративы, имеющие в качестве основы реальные события, но переосмысленные, избирательно переструктурированные в соответствии с потребностями текущего момента [24], например разные варианты семейной истории [2]. Возможно, именно ориентация на такие нарративы общей для всех истории и определяет высокие показатели по всем компонентам российской идентичности у тех респондентов, кто опирается на общность исторического прошлого как на идентификационное основание.

В целом же факторы, определяющие, с одной стороны, востребованность в общественном мнении тех или иных идентификационных оснований, а с другой – вклад этих оснований в сформированность российской идентичности, составляют задачу дальнейших детальных исследований в этой области.

Динамика изменения профиля российской идентичности в ситуации социально-политической турбулентности

Поскольку многомерный инструментарий был использован в республиканских опросах и в 2021, и в 2022 гг., т. е. как до, так и после начала СВО в Донбассе, мы имеем возможность рассмотреть динамику изменения профиля российской идентичности в ситуации социально-политической турбулентности, связанной с обострением геополитического противостояния (см. рис. 9).

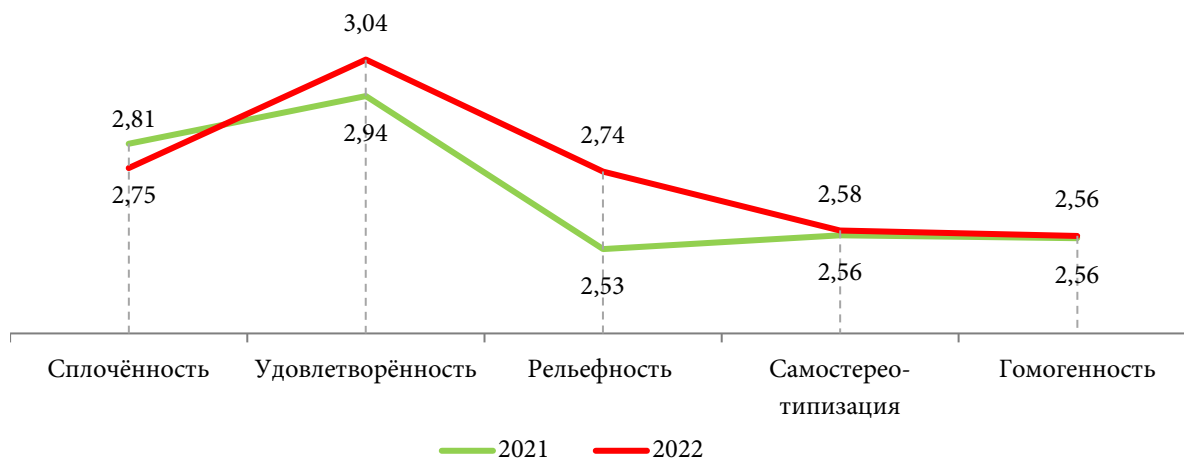

Рис. 9. Профили российской идентичности жителей Республики Саха (Якутия) в 2021 и 2022 гг. (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)
Figure 9. Profiles of Russian identity among residents of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2021 and 2022, average agreement scores with statements for each component

По данным «классического» одномерного измерения общего уровня российской идентичности, в 2022 г. в республике было отмечено снижение этого уровня по сравнению с 2021 г. на 5 п.п. (с 71 до 66%). Сопоставление профилей российской идентичности, зафиксированных в республике в 2021 и 2022 гг., позволяет детализировать происшедшие изменения.

Во-первых, произошло небольшое и статистически незначимое снижение показателей *сплочённости*, т. е. меры осознания психологической связи с россиянами. Это изменение в какой-то мере отражает происходившие в общественном мнении на момент опроса (май–июнь 2022 г.) процессы турбулентности, связанные с выработкой отношения к СВО представителями разных слоёв общества. Во-вторых, фиксируется статистически значимое повышение показателей *удовлетворённости* принадлежностью к российскому сообществу и особенно существенное повышение показателей значимости принадлежности к россиянам в личностном самоопределении (*рельефность*). Как уже было отмечено выше, по мнению авторов применяемой нами методики, рост показателей *рельефности* свидетельствует о повышении меры готовности к защите сообщества от внешних угроз [20, с. 147]. Наконец, практически неизменными остались показатели *самостереотипизации* и *гомогенности*, отражающие меру сформированности образа «мы–россияне» как консолидированной целостности.

В итоге при многомерном подходе к исследованию российской идентичности достаточно детально отражаются изменения в самосознании россиян, связанные с изменением социально-политической ситуации, что существенно дополняет представления о динамике российской идентичности, сформулированные на основе «классического» мономерного подхода.

К выводам

В целом, детальный анализ специфики профиля российской идентичности как в региональной вариативности, так и в сравнении с профилями других базовых идентичностей россиян (этнонациональной, конфессиональной, локальной и др.) возможен только после формирования соответствующих баз данных. Однако представленные выше данные о вариативности профиля российской идентичности (на примере опроса населения Республики Саха (Якутия)) в разных социальных группах и у респондентов с разными социально-политическими диспозициями могут послужить основанием для формулирования гипотез об особенностях профиля российской идентичности в целом.

Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что, несмотря на количественные различия показателей по отдельным параметрам во всех представленных выше вариантах профиля идентичности, остаётся неизменной конфигурация этого профиля: показатели личностного вклада, особенно *сплочённости* и *удовлетворённости*, значимо выше показателей сформированности образа российской общности как органичного, целостного коллектива. Возможно, отчасти здесь сказывается расовое, антропологическое, конфессиональное и этнокультурное многообразие российского социума, что может затруднять формирование представлений о сходстве всех россиян и гомогенности российского сообщества по внешним признакам. И в этом плане такая конфигурация российской идентичности вполне логична.

В то же время относительно низкие показатели по компонентам социального самоопределения могут быть связаны со спецификой информационной среды, определяющей формирование образа «мы – россияне», тем более что этот образ вошёл в общественный оборот относительно недавно по историческим меркам. Кстати, именно поэтому нет значимых различий в сформированности этих компонентов российской идентичности у представителей всех возрастных групп, т. е. для всех россиян это понятие – относительная новация. В целом же, можно сказать, что, хотя российская идентичность позиционируется как *коллективная*, образ именно коллектива россиян пока ещё недостаточно сформирован. И если учесть, что, по мнению авторов методики, со сформированностью этих компонентов идентичности связаны показатели гражданской активности, то низкие уровни такой активности, фиксируемые из года в год в социологических мониторингах социально-политической ситуации в России [12], такую взаимосвязь позволяют считать вполне вероятной. Однако если учесть, что за прошедший с момента последнего опроса год в России оформилось широкое волонтерское движение помощи участникам СВО и жертвам боевых действий, то можно предположить, что в 2023 г. показатели *самостереотипизации* и *гомогенности*, отражающие в том числе и уровень гражданской активности, существенно вырастут.

Резкий рост показателей сформированности *рельефности*, т. е. значимости принадлежности к российскому сообществу в личностном самоопределении, в ситуации СВО, требующей общей социальной мобилизации, и колебание показателей *сплочённости*, связанных, как было отмечено выше, с уровнем социальной тревожности, позволяют говорить об особом, «мобилизационном» профиле российской идентичности в период кризисов разного типа и генезиса (внешних, внутренних, стихийных, социально-политических и т. п.). Более того, можно предположить, что сформированность таких компонентов, как *сплочённость* и *рельефность*, в совокупности отражают уровень деятельностной консолидированности сообщества.

Наконец, с учётом того, что все рассмотренные выше компоненты российской идентичности имеют высокие показатели взаимной корреляции (выше 0,7), то исследование факторов, определяющих сформированность каждого компонента, позволит выявить дополнительные ресурсы повышения уровня российской идентичности в целом.

Библиографический список

1. Агадуллина Е. Р., Ловаков А. В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157. DOI: 10.17323/1813-8918-2013-4-143-157; EDN: SHGALR.
2. Бараш Р.Э. Семейная память россиян перед вызовами настоящего времени // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 5. С. 13–26. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-5-13-26; EDN: TMNFNQ.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М. Левиной. М.: АСТ. 2021. 352 с.
4. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1-2(77-78). С. 39–52. EDN: HAGVQK.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 430 с.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое изд-во, 2011. 464 с.
7. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межнациональные отношения и российская идентичность в сложных условиях пандемии COVID-19. 2021. № 1. 58 с. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9453 (дата обращения: 25.05.2023). DOI: 10.19181/INAB.2021.1.
8. Кузнецов И. М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 58–80. EDN: YHTCBL.

9. Рыжова С. В. Этносоциологическая школа Л. М. Дробижевой: формирование подходов к изучению российской идентичности // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2; EDN: DZDDQP.
10. Рыжова С. В. Эмоциональная составляющая российской идентичности: позитивный и негативный контексты // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 21–32. DOI: 10.31857/S013216250019609-2; EDN: OCUXPT.
11. Рыжова С. В. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX.
12. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН. 2021. 288 с. EDN: АОЕВНВ.
13. Хухлаев О. Е., Александрова Е. А., Гриценко В. В. и др. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодёжи // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14. № 3. С. 71–82. DOI: 10.17759/chp.2019150308; EDN: XDSAIG.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых; пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 340 с.
15. Ashmore R. D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality // Psychological Bulletin. 2004. Vol. 130. № 1. P. 80–114. DOI: 10.1037/0033-2909.130.1.80.
16. David O., Bar-Tal D. A Sociopsychological Conception of Collective Identity: The Case of National Identity as an Example // Personality and Social Psychology Review. 2009. Vol. 13. № 3. P. 354–379. DOI: 10.1177/1088868309344412.
17. Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J. W. Self-categorization, commitment to the group and group self-esteem as related but distinct aspects of social identity // European Journal of Social Psychology. 1999. Vol. 29. P. 371–389. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(199903/05)29:2/33.3.CO;2-L.
18. Gaertner S. L., Dovidio J. F., Bachman B. A. et al. The Common Ingroup Identity Model: Recategorization and the Reduction of Intergroup Bias // European Review of Social Psychology. 1993. Vol. 4. Iss. 1. P. 1–26. DOI: 10.1080/14792779343000004.
19. Giddens A. Modernity and Self Identity, Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.
20. Leach C. W., van Zomeren M., Zebel S. et al. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multi-component) model of ingroup identification // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144–165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144.

21. Lickel B., Hamilton D. L., Wiczorkowska G. et al. Varieties of groups and the perception of group entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78. № 2. P. 223–246. DOI: 10.1037//0022-3514.78.2.223.

22. Luhtanen R., Crocker J. A collective self-esteem scale: Self-evaluation of one's social identity // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1992. Vol. 18. № 3. P. 302–318. DOI: 10.1177/0146167292183006.

23. Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981. 369 p.

24. *The Invention of tradition* / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. 320 p.

Получено редакцией: 31.05.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Игорь Михайлович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.6

Features of the Profile of Russian Identity: Experience of the Multidimensional Approach (Case Study of the Republic of Sakha (Yakutia))

Igor M. Kuznetsov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ingvar31@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6914-3355

For citation: Kuznetsov I. M. Features of the Profile of Russian Identity: Experience of the Multidimensional Approach (case study of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 88–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.6; EDN: FLFWQH

Abstract. The article presents the initial results of applying a multidimensional methodology to the sociological measurement of the level of Russian identity. The multidimensional approach to measuring the level of Russian identity was constructed based on a five-component model of in-group identification developed by K. Leach and colleagues. This methodology allows for the quantitative measurement of the degree of formation of components such as cohesion (psychological connection with other members of the community), emotional satisfaction with belonging to the community, salience (the significance of belonging to a particular community in the structure of a person's self-concept or "I-concept"), self-stereotyping (conviction of one's similarity to other members of the same community), and homogeneity (perception of the community as a whole). The empirical basis of the study was the data from a survey of residents of the Republic of Sakha (Yakutia) conducted in 2021-2022, that included a block of multidimensional measurements of the level of Russian identity.

Based on the analysis conducted, the author draws several conclusions:

1. The profile of Russian identity, in its republican variation, is characterised by relatively high levels of satisfaction and cohesion, and low levels of salience, self-stereotyping, and homogeneity. In other words, when considering these components together, it reflects the formation of perceptions of the Russian community as a whole, a collective, rather than a simple collection of people with Russian citizenship.

2. The multidimensional approach has significantly expanded existing notions of the prevalence of identity-based foundations of Russian consolidation by providing insights into the contribution of each identifier to the overall level of Russian identity. The hierarchy of identity foundations based on their contribution to the formation of the profile of Russian identity does not align with the hierarchy of the same foundations based on their importance

in the self-categorisation process.

3. Comparing data on the profile of Russian identity in 2021 and 2022 allowed for the identification of changes in the level of Russian identity following the start of the Special Military Operation (SVO). There was a slight decrease in cohesion indicators, alongside a significant increase in satisfaction and salience indicators, while self-stereotyping and homogeneity indicators remained unchanged.

In conclusion, it is shown that the use of a multidimensional approach to the study of Russian identity allows for a detailed examination of the structure and dynamics of Russian identity, formulated based on “classic” monomeric measurements.

Keywords: All-Russian identity profile, multidimensional approach, multicomponent model of intragroup identification, hierarchy of identification bases, identity configuration

References

1. Agadullina E. R., Lovakov A. V. Measurement Model of In-group Identification: Validation in Russian Samples. *Psichologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2013: 10(4): 139–153 (in Russ.). DOI: 10.17323/1813-8918-2013-4-143-157; EDN: SHGALR.
2. Barash R. E. Family Memory of the Russia’s Citizens in the Context of Actual Social Challenges. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2021: 11(5): 13–26 (in Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-5-13-26; EDN: TMNFNQ.
3. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Transl. from German by M. Levina. Moscow. AST, 2021: 352 (in Russ.).
4. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. All-Russian identity in the sociological dimension. *Vestnik rossijskoj natsii*, 2021: 1-2(77-78): 39–52 (in Russ.). EDN: HAGVQK.
5. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda [The division of labor in society]. Transl. from French by A. B. Gofman. Moscow, Kanon, 1996: 430 (in Russ.).
6. Inglehart R., Welzel Ch. Modernizatsiya, kul’turnyye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel’nost’ chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence]. Transl. from Eng. by M. Korobochkin. Moscow, Novoe izdatel’stvo, 2011: 464 (in Russ.).
7. Information and Analytical Bulletin (INAB). Interethnic relations and Russian identity in the complex conditions of the COVID-19 pandemic. 2021: 1: 58. Accessed 25.05.2023. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9453 (in Russ.). DOI: 10.19181/INAB.2021.1.
8. Kuznetsov I. M. The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations. *Mir Russii*, 2017: 26(1): 58–80 (in Russ.). EDN: YHTCBL.
9. Ryzhova S. V. The Ethno-sociological School of L. Drobizheva: Developing Approaches towards the Study of all-Russian Identity. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2023: 29(1): 36–54 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2; EDN: DZDDQP.
10. Ryzhova S. V. Emotional component of the all-russian identity: positive and negative contexts *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 4: 21–32 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250019609-2; EDN: OCUXPT.
11. Ryzhova S. V. Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust. *Vestnik instituta sotziologii*, 2022: 13(3): 13–31 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX.
12. The substantial foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural contexts. Ed. by E. M. Arutyunova, S. V. Ryzhova. Moscow, FNISC RAN, 2021: 288 (in Russ.). EDN: AOEBHB.
13. Khukhlaev O. Ye., Aleksandrova E. A., Gritsenko V. V. et al. Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth. *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2019: 15(3): 71–82 (in Russ.). DOI: 10.17759/chp.2019150308; EDN: XDSAIG.
14. Erikson E. H. Identity: Youth and crisis. Ed by. A. V. Tolstyh, Transl. from Eng. Moscow, Progress, 1996: 340 (in Russ.).
15. Ashmore R. D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality. *Psychological Bulletin*. 2004: 130: 1: 80–114. DOI: 10.1037/0033-2909.130.1.80.
16. David O., Bar-Tal D. A Sociopsychological Conception of Collective Identity: The Case of National Identity as an Example. *Personality and Social Psychology Review*, 2009: 13: 3: 354–379. DOI: 10.1177/1088868309344412.

17. Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J. W. Self-categorization, commitment to the group and group self-esteem as related but distinct aspects of social identity. *European Journal of Social Psychology*, 1999: 29: 371–389. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(199903/05)29:2/33.3.CO;2-L.
18. Gaertner S. L., Dovidio J. F., Bachman B. A. et al. The Common Ingroup Identity Model: Recategorization and the Reduction of Intergroup Bias. *European Review of Social Psychology*, 1993: 4: 1: 1–26. DOI: 10.1080/14792779343000004.
19. Giddens A. *Modernity and Self Identity, Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, Polity Press, 1991: 264.
20. Leach C. W., van Zomeren M., Zebel S. et al. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multi-component) model of ingroup identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008: 95: 1: 144–165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144.
21. Lickel B., Hamilton D. L., Wierzchowska G., Lewis A. et al. Varieties of groups and the perception of group entitativity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000: 78: 2: 223–246. DOI: 10.1037//0022-3514.78.2.223.
22. Luhtanen R., Crocker J. A collective self-esteem scale: Self-evaluation of one's social identity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1992: 18: 3: 302–318. DOI: 10.1177/0146167292183006.
23. Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1981: 369.
24. *The Invention of tradition*. Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, Cambridge univ. press, 1983: 320.

The article was submitted on: May 31, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor M. Kuznetsov, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS